

Сексуальность и смерть современного искусства

Заец Дмитрий Александрович

Аспирант

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Социологический факультет, Харьков, Беларусь

E-mail: portwejn@gmail.com

С 24 апреля по 16 сентября <?xml:namespace prefix = st1 ns = "urn:schemas-microsoft-com:office:smarthtml" />2010 г. в PinchukArtCentre (Украина, Киев) проходила самая большая международная групповая выставка «Сексуальность и трансцендентность», на которой были представлены работы ведущих художников нашего времени с фокусом на сексуальности и трансцендентности как центральных темах современного искусства. <?xml:namespace prefix = o ns = "urn:schemas-microsoft-com:office:office" />

Респектабельная и дорогая выставка под руководством куратора Эхарда Шнайдера и сокуратора Бйорна Гельдхофа собрала 19 художников, в том числе двух украинских - Бориса Михайлова и Илью Чичкана, всех без исключения звезд первой величины. Но речь пойдет не о них. Также как не об увиденных проектах или услышанных отзывах. Меня, главным образом, заинтересовала заявленная тема и некоторые из представленных вариантов ее художественного толкования, которые я намерен трактовать сквозь призму теоретических положений социологии современного искусства, а также идей социальной философии относительно тематик смерти, бессмертия и сексуальности.

По словам Э. Шнайдера в теме выставки заложен следующий смысл: «Сексуальность объединяет мир субъективного эмоционального опыта, мир мгновения, предвкушения, желания и осуществления, ориентации и распада, *с крайностями деструкции и насилия* (шрифт – Д.З.). Сексуальность ассоциируется с образом реальности, теплоты и интимности, в то время как трансцендентность подразумевает мир по ту сторону реальности. . . ».

На мой взгляд, в словах Шнайдера явственен весомый просчет, который, между прочим, был исправлен авторами экспозиций. Идея, ускользнувшая от куратора выставки довольно проста и очевидна при приближении к реалиям постмодерной культуры, а именно, сексуальность и, так называемая, трансцендентность суть две стороны одной медали. Имя этой медали – страх, страх, который конвертирован в категории восприятия: «смерть» и «сексуальность». Я склонен полагать, что человек боится секса, также как он боится потусторонней реальности. Попросту не существует дистанции между необузданной сексуальностью и утонченной трансцендентностью (и то и другое уводит нас в мир, не поддающийся индивидуальному контролю и культурной регуляции – к миру Природы).

Боле того, то, что Э. Шнайдер называет миром по ту сторону реальности, с потенцией к деструкции и насилию, символизирует не что иное, как *смерть*, процесс разложения порядка. Исходя из этого, дальнейший нарратив я выстраиваю на положении о том, что смерть и сексуальность в современной культуре имеют равное ценностное значение, то есть на уровне восприятия они воображаются и помышляются сквозь призму одинаковых шаблонов нормативности и общественного отношения.

Положения эти, следует сказать, далеко не новы. (Так, обращаясь к идеям З. Баумана относительно стратегий отношения к смерти и сексу в постмодерной культуре, я заложу фундамент дальнейшей рефлексии). Да и пушки сексуальных революций, которые были спровоцированы этими положениями, давно отгрохотали, но, как оказывается, тема эта актуальна. Поэтому, тому, что скрывается симптоматичного и тенденциозного за этими, пусть уже не радикальными, но, согласитесь, яркими работами Кунса, Мураками и Фабра в приложении к культурным трансформациям современного общества, и тому, что в свете этой темы предлагают современные украинские художники и посвящен настоящий доклад.

Тезисно отмечу, что в современной культуре существует два типа отношения к смерти и сексу. К ним относятся модерный и постмодерный типы. И эти подходы сосуществуют одновременно и в повседневной жизни между ними сложно провести четкие границы.

Согласно первому из них смерть в фарватере социального воображения уравнивается с сексом и представляется как «грязное», а значит злое и поэтому вынесенное за «ширму» общественной сцены. Смерть и секс подвергаются репрессиям. Модерный тип отношения к смерти ретуширует саму идею и факт смертности человеческой природы и замещает социальные подмостки образами вечно молодых и радужных лиц. Смерть, как и секс, лишаются своих прежних позиций в повседневной жизни общества. В дополнение к этому удалению также исключается серия формальных выражений смерти и секса, всего того, что вызывает страх и стеснение. В «моральное гетто» попадают: болезни как физиологические, так и социальные (ненормальное поведение и мышление), а также всякого рода «грязь» как отражение и напоминание о животной природе человека.

Постмодерный тип отношения к смерти и сексу приветствует манифестацию в медиа этих тем в изобилии. Смерть и секс не репрессируются, более того, подаются *иронически* и/или *сексуально*. Это, своего рода, «банализация» смерти. Другими словами, объекты, традиционно относящиеся к сфере смерти и бессмертия, теряют свой сакральный налет. Популярная культура, словно играясь, злорадствует над извечными темами философствования и стихосложения, предлагая на суд изумленной публики «Доктора Хауса» и «Ближних друзей» (QAF), также как проекты современного искусства на выставке «Трансцендентность и сексуальность».

Постмодерный тип идет дальше деконструкции смерти и проявляется в усилиях *по развенчанию бессмертия*. Ликвидация бессмертия предполагает преобразование линейной протяженности жизни в ежедневные репетиции уничтожения универсальной смертности вещей и стирание противостояния между мимолетностью и постоянством. Грубо говоря, постмодерная культура разбивает жизнь на сумму сегментов бытования.

Презентации ответа современных художников на подобные культурные стратегии будет посвящена дальнейшая часть доклада.

Иллюстрации

Рис. 1: Ян Фабр